

БАРАНЬЯ ЛОПАТКА В ОБРЯДОВОЙ ПРАКТИКЕ БУРЯТ *

Статья посвящается определению места, которое занимала баранья лопатка «фониной дала» в традиционной бурятской обрядности. На основе анализа литературных и архивных источников, а также собранного полевого материала автором доказывается, что баранья лопатка в культуре бурят наделялась высоким семиотическим статусом и выступала как символическое выражение материнского рода. Она была включена в ритуальную пищу, используемую во время различных коллективных жертвоприношений, и подносилась божествам и духам. Важное значение имела баранья лопатка в отдельных обрядах жизненного цикла человека (рождение, свадьба, смерть). Одним из функциональных назначений бараньей лопатки было осуществление посредством нее скапулимантии. Сравнение данных по бурятскому способу гадания по бараньей лопатке и сведений о подобной мантике у средневековых монголов и тибето-монгольских лам показывает, что в них имелась как общая основа, так и отличительные особенности. Факт обнаружения схожих черт в гадании буддийских монахов и монголов XIII в. объясняется существованием их праосновы – архаичной центрально-азиатской традиции. Бурятское гадание по лопатке унаследовало традиции, известные у средневековых монголов. В XIX в., с принятием частью бурят буддизма, у них получает распространение тибето-буддийский способ скапулимантии.

Ключевые слова: буряты, традиционная обрядность, ритуальная пища, скапулимантия, проблема трансляции.

В традиционной бурятской обрядности особую роль играла ритуальная пища, включавшая в себя ограниченный круг молочных, мясных и растительных продуктов. Она считалась сакральной и наделялась определенной семантикой. Хотя обрядовая пища бурят становилась объектом специального исследования [Галданова, 1993; Бадмаев, 2007 и др.], тем не менее подробного анализа ее отдельных элементов не производилось.

Настоящая работа посвящается выяснению места, которое занимала баранья лопатка в традиционной бурятской обрядности. Задачами исследования являются: определение семиотического статуса бараньей лопатки в культуре бурят; реконструкция традиционной бурятской мантики по

лопаточной кости барана; выделение генетических истоков бурятской традиции гадания на бараньей лопатке.

Источниковую базу исследования составили литературные и архивные данные, а также собранные автором полевые материалы. Необходимость решения поставленных задач потребовала привлечения письменных источников, относимых к хронологически разным историческим периодам. В исследовании были использованы как сочинения китайских и западноевропейских путешественников XIII в., так и труды отечественных авторов XVIII – начала XX в. Важное значение для работы имел лексический материал, взятый из соответствующих словарей национальных терминов. При характеристике бурятского гадания по бараньей лопатке

* Исследование проведено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00045).

ключевую роль сыграли полевые сведения, полученные нами в ходе изысканий в сельских районах Республики Бурятия.

В монгольских языках лопатка обозначается одинаково (стп.-монг. «*dalu*», монг. «дал», калм. «дал») и не находит словесных параллелей в тюркских (например, казах. «жауырын», тув. «чарын», хакас. «чарын», якут. «сарын») и тунгусо-маньчжурских (например, эвенк. «исаки», эвен. «кэндэт» (у человека), «асики» (у птицы)) языках. Правда, исключением, очевидно вызванным заимствованием из монгольских языков, является обозначение у эвенков оленьей лопатки – «далу». Сказанное свидетельствует о самостоятельном происхождении названия лопатки у монгольских народов.

В бурятском языке отражается анатомическая связь между лопаткой и плечом, это можно видеть в парной передаче слова плечо – «дала мурэ», а также в пожелании: «Дэлхэй дайдаа далаая бу харуула» – «Не обнажай перед землей-матушкой своих плеч (в значении не дать уложить себя на лопатки)» [Бурятско-русский словарь, 1973. С. 183]. В то же время общую основу с *дала* имеет другое слово – *далай* «океан, море, бескрайний, перен. большое количество» [Там же]. Объединяет все три упомянутых слова (*дала*, *дала мурэ*, *далай*) эпитет «широкий», применимый к каждому из них. В этот ассоциативный ряд можно включить еще слово *дала(н)* «семьдесят» [Там же]. Оно примечательно тем, что, по воззрениям бурят, представляет возрастной рубеж, по достижении которого человек переходит в старческое состояние.

В культуре бурят баранья лопатка, в отличие от такой кости других животных, была наделена особым знаковым статусом. В этом можно убедиться, обратившись к гостевому угощению, которое сопровождало некоторые обрядовые действия. Во время такой трапезы была обязательной отварная баранина и, если у части бурят наиболее почитаемому гостю преподносили отваренную и ошипанную голову животного, то у ряда территориальных групп его угощали мясом лопаточной кости. Согласно Г. Р. Галдановой, закаменские буряты подносили баранью лопатку лишь духовным лицам [1993. С. 146]. Эта традиция была известна и у монголов Халхи, у которых до принятия буддизма лопатку подавали шаманам, позднее – буддийским священнослужителям.

Причем для них лопатка и голова барана имели одинаковую ценность. Это, в частности, выразилось в том, что, подобно голове животного, «лопатку нельзя было съесть одному, и нельзя было поделиться с женщиной» [Викторова, 1980. С. 27]. Очевидно, что носителями упомянутой традиции была та часть бурят, чьи предки имели местом выхода Халху. Общим для монгольских и тюркских народов Центральной Азии и Южной Сибири был обычай угощения бараньей лопаткой лишь мужчин.

Между тем у хори-бурят и бурят Предбайкалья баранья лопатка хотя и считалась почетным куском мяса, но была менее статусной, чем голова животного. Показательно, что ее обычно располагали не по центру, а с краю подаваемого гостям блюда с отварной бараниной на кости. Таким же было назначение лопаточной кости барана у хакасов [Бутанаев, 1993. С. 152] и у тюрков Центральной Азии: по Л. Л. Викторовой, она занимала у последних по степени престижности только четвертое место среди мясных яств [1980. С. 185]. Предположительно, наличие такой черты в гостевом этикете указанных групп бурят и южно-сибирских тюрков может объясняться наследованием ими единой культурной традиции, зародившейся во времена тюркских каганатов.

Включенная также в жертвенную пищу (например, приготовляемую для коллективных жертвоприношений – шаманского тайлга и буддийского обоо тахилган) баранья лопатка занимала в ней особое место. В этой связи кажется неслучайным, что корневой основой слова *далга* (*даллага*) «жертвенная снедь» [Бурятско-русский словарь, 1973. С. 184], непосредственно связанного с жертвоприношением, является *дал-*. Идентично из *далан* «загривок (лошади), загривочный жир» образовалось слово *даланга* «название обряда» [Там же].

Один из случаев употребления бараньей лопатки (правого переднего стегна) в семейной обрядности бурят отмечается в обряде укладывания младенца в колыбель у тункинских хонгодоров [Дуброва, 1884. С. 8]. Ее клали в колыбель вместе с некоторыми другими предметами и предлагали кому-нибудь из присутствующих детей ответить на вопросы: для кого предназначена люлька, для ребенка или лопатки; кого пеленать, ребенка или лопатку? Между тем у аларских хонгодоров в данном качестве вы-

ступала мозговая кость (правого заднего стегна) [Потанин, 1883. С. 26], что было характерно для обряда бурят Предбайкалья и хори-бурят. Возможно, оказавшись в результате вынужденной миграции в Предбайкалье, часть хонгодоров восприняла отдельные элементы местной обрядовой традиции.

В связи с изучаемой темой вызывают интерес редкие случаи синхронного положения лопаточной и берцовой костей барана в могильные захоронения, относимые к средневековому населению Байкальского региона. Их наличие среди других погребальных артефактов можно интерпретировать, исходя из фольклорных и этнографических данных, согласно которым, в древности у бурят было принято старику, дожившему до совершеннолетия правнука, устраивать застолье, в ходе которого его обильно поили молочной водкой и кормили бараниной [Нацов, 1995. С. 47–48]. Под конец ему подносили куски курдюка на бараньей лопатке и заставляли их проглотить, а его правнук обязан был берцовой костью протолкнуть их в глотку старика, тем самым прерывая его дыхание. Когда погребали старика, лопаточную и берцовую кости барана складывали в его могилу. В западноевропейских и китайских сочинениях XIII в. фиксируется бытовавшая у средневековых монголов практика избавления от немощных стариков. Так, Плано Карпини пишет об этом следующее: «Некоторые татары (монголы. – А. Б.), видя, что родители их стареют и от старости дряхлеют, кормят их жирною пищею, как то: бараньим хвостом и тому подобным, – «чтобы они, отягчаясь оным, скорее задушились» [1957. С. 99]. О применении других, не менее бесчеловечных, способов упоминает Г. Гомбоев, указывая, что еще в XVIII в. у монголов «было обыкновение заживо зарывать стариков» [1859. С. 254]. Рассматривая аналогичный обычай умерщвления стариков у южно-сибирских тюрков, исследователи приходят к выводу, что берцовая кость «воплощала собой жизненный потенциал и являлась средством его передачи от умирающего старика к юноше, вступающему в жизнь» [Львова и др., 1989. С. 67]. Не оспаривая данный тезис, можно полагать, что в описанной бурятской традиции баранья лопатка была последним прижизненным актом почтения рода старику, а после его смерти становилась заупокойной

пищей, которую он должен был разделить с душами усопших сородичей.

Упомянутые выше кости барана могли выступать как символическое выражение рода. На эту мысль, в частности, наводит фрагмент из сочинения Г. Н. Потанина: «У Аларских бурят существует запрещение брать в руки кость (баранью лопатку) при родне со стороны матери; в противном случае привяжут на шею ремень с тою лопаткой. Но кто знает девять поколений предков с отцовской и с материнской стороны, тот избавляется от наказания» [1883. С. 38–39]. Исходя из цитируемого текста, можно предположить, что баранью лопатку связывали с материнским родом. А берцовая кость, как свидетельствуют материалы по бурятской обрядности, всегда ассоциировалась с отцовским родом.

Важнейшей функцией бараньей лопатки было использование ее в мантике (в так называемой скапулимантии). Такая практика имела широкую географию: она отмечалась у монгольских и тюркских народов степного пояса Евразии, у ряда северокавказских этносов (балкар, кабардинцев, карачаевцев, осетин), а также ирландцев и американских индейцев. В Европе первыми к ней обратились еще древние греки. Зарождение традиции гадания по бараньей лопатке было обусловлено распространением скотоводства и возникшим в рамках нового хозяйственного уклада культом барана.

У средневековых монголов как такового поклонения барану уже не было, но инкорпорирование его в различные обрядовые действия, использование его образа, например, в орнаментике могут рассматриваться как отдаленные отголоски былого почтения. О том, что монголам было известно гадание по бараньей лопатке сообщают китайские (Пэн Да и Сюй Тин) и западноевропейские письменные источники. Для иллюстрации приведем фрагмент из работы Г. Рубрука: «И когда мы входили, из дома вышел служитель, вынося кости бараньих лопаток, сожженные до черноты угольев; по этому поводу я очень изумился, что это значит. Спросив об этом впоследствии, я узнал, что хан (Мункэ-хан. – А. Б.) не делает ничего в целом мире без того, чтобы предварительно не поискать совета в этих костях; поэтому он не позволяет человеку входить к себе в дом раньше, чем посоветуется с этой костью. Этот способ гадания происходит

так: когда хан хочет что-нибудь предпринять, он приказывает принести себе три упомянутые кости, еще не сожженные, и, держа их, размышляет о том предприятии, о котором хочет искать совета, приступать к нему или нет, а затем передает служителю кости для сожжения. И возле того дома, где он пребывает, существуют два маленьких домика, в которых сжигаются эти кости, и их тщательно отыскивают ежедневно по всему становищу. Итак, когда их сожгут до черноты, их приносят ему обратно, и тогда он рассматривает, раскололись ли кости от жара огня прямо вдоль. Тогда для того, что он должен сделать, дорога открыта. Если же кости треснут поперек или выскочат из них круглые кусочки, тогда он этого не делает. Ибо или сама кость, или какая-то ткань, лежащая на ее поверхности, всегда трескается на огне. И если из трех костей одна трескается надлежаще, он предпринимает дело» [1957. С. 146].

Как видим, средневековые монголы прорицали по лопаточной кости барана, которую предварительно держали над огнем до появления трещин; этим их мантика отличалась от практики некоторых других народов, предсказывавших судьбу по необожженной лопатке. Сразу же оговоримся, что в XIX в. у монголов встречались специалисты, которые и без тепловой обработки лопатки могли предрекать будущее [Гомбоев, 1864. С. 50]. Аналогичным образом предсказывали хакасы [Бутанаев, 1993. С. 152]. Данный феномен, когда в культуре одного народа сочетались две, казалось бы, разные традиции гадания, может указывать на его сложный этнический состав.

Применение способа ворожбы с обжиганием лопаточной кости еще раз убеждает в распространенности в XIII в. культа Огня у монголов; огонь, по их представлениям, выступал в качестве медиатора между высшими силами и человеческим обществом, а его божество Ут покровительствовало семейному благополучию. Вероятно, данная форма скапулимантии первоначально была обусловлена огнепоклонством, когда именно духу огненной стихии адресовали вопросы и пытались от него получить ответы на животрепещущие вопросы. Однако основным для монголов XIII в. являлся культ Неба Тэнгри, и поэтому предсказания по бараньей лопатке рассматривались как проявление воли Хухэ Мунхэ Тэнгри – «Синего Вечного

Неба»; это, например, подмечают китайские авторы XIII в.: «Этим [гаданием] решается все – откажет небо [в желаемом] или даст [его]» [Пэн Да, Сюй Тин, 1960. С. 143].

В приведенном описании Мунхэ-хан предстает как крайне суеверный человек, согласующий свои действия с результатами гадания. Но важно другое – то, что предсказания делает он сам, а не его придворный прорицатель-шаман. Также, собственно, поступал и его дядя Угэдэй [Там же. С. 144] и дед Чингисхан: как пишется в династийной хронике «Юань ши», основатель монгольского государства лично гадал на бараньей лопатке перед каждой военной кампанией [Там же]. Значит, в те времена у монголов таким правом и соответствующими сакральными знаниями обладал их правитель, что, кстати говоря, соотносилось с официально принятой в Монгольской империи концепцией небесного происхождения власти чингизидов, которая обосновывалась изложенной в «Сокровенном сказании» версией о рождении предков Чингисхана Борте-Чино и Бодончара якобы по воле Неба [1990]. Заметим также, что хотя ни в одном из письменных источников XIII в. нет сведений о шаманах, совершавших гадание по бараньей лопатке, необходимо предполагать, учитывая их положение посредников между мифическими покровителями и людьми, что они исполняли и такую функцию.

Обращаясь непосредственно к гаданию бурят, следует сказать, что в XVIII в. они ворожили посредством лопатки не только барана, но и козы (возможно, дикой козы). Причем посредством козьей лопатки предсказывали охотничью удачу: «<...> каково счастье кому на промысел предстоит, и в каком звере оно состоит имеет» [О баргузинских..., 1787. С. 79]. Понятно, что такое отступление от правил определялось тем, что гадали люди, занятые сугубо охотничьим промыслом. Заметим, что в бурятских материалах XIX – начала XX в. козья лопатка уже не фигурирует как инструмент для гадания. Например, о применении в калмыцкой мантике XVIII в. лопаточной кости диких животных, главным образом крупных парнокопытных, сообщает П. С. Паллас: «...лучшие лопатки для гадания – оленя, сайги, серны и северного оленя; заячья лопатка годится только для одного дня, а лопатка кабана употребляется только при охо-

те на него» (цит. по: [Гомбоев, 1864. С. 50]). Стало быть, в охотничьей среде монгольских народов по крайней мере до XIX в. имелась альтернативная скапулимантии традиция гадания, которая может уходить корнями к присваивающему таежно-охотничьему хозяйству.

В бурятском фольклоре фиксируется бытование разных версий того, почему для предсказаний применяли именно баранью лопатку. Их основное содержание сводится к рассказу о том, что однажды первопредок бурят (или первый бурятский шаман), уснув в поле, утратил некое письмо, которое было якобы съедено бараном (или пасущимися овцами). После этого его текст чудесным образом стал проступать на лопатках барана. Основное различие в этих повествованиях заключается в том, что представлял собой данный документ. Согласно одной мифической версии, оказывается, что это была грамота об отделении бурят от монголов¹, по другой – записанный божий закон [Мелетий, 1864. С. 158], по третьей – книга судеб бурятского народа [Манжигеев, 1978. С. 79]. Наконец, в последнем варианте рассказа речь даже идет о наказании верховным божеством первого бурятского шамана, дерзнувшего творить, подобно демиургу: «Первым шаманом у шаманистов-бурят был Бухули Хара боо, происходил из Монголии. Он установил здесь веру шаманскую. У него имелась книга, по которой он узнавал все, что происходит на небе и на земле. Но не было у него сына. Бухули Хара был великий шаман и вздумал одному бездетному буряту Донной Баяну (из эхиритов, рода в м. Унгунун) создать сына <...> Пока он трудился над этой работой <...> Эсэгэ Малаан рассердился, что Бухули Хара боо вздумал равняться с ним, творя не свое дело, и послал барана, чтоб съел его книгу, что и было исполнено. С тех пор силы (магические) сбавились до половины. Эсэгэ Малаан повелел ворожить на лопатке того барана, который съел книгу. Лопатка стала отражать на себе дела людей и богов» [Жамцарано, 2001. С. 74–75]. Вероятно, разнообразие вариантов упомянутого предания вызывалось историческими реалиями (необходимостью объяснить отделение бурят от монгольского

мира и отсутствие собственной письменной традиции, потребностью укрепить позиции шаманизма в бурятской среде).

Любопытно, что схожим с бурятскими мифами был рассказ о бараньей лопатке, записанный одним из православных миссионеров у забайкальских эвенков [Вениамин..., 1865. С. 112]. Вероятно, его появление было следствием межэтнического взаимодействия бурят и эвенков Забайкалья, часть которых поселилась в степной зоне субрегиона и перешла к ведению скотоводческого хозяйства, разводя, в том числе, овец.

Скапулимантией обычно занимались шаманы и ламы, но в конце XIX в. ее стали выполнять знатоки из числа рядовых бурят. Связанная с обрядами личного или семейного характера такая ворожба предусматривала гендерный подход при выборе лопаточной кости: правая лопатка предназначалась для представителей мужского пола, а левая – женского. При этом лопатка должна была принадлежать животному из стада человека, заказавшего гадание. Если приходилось для обрядовых действий покупать барана из чужой отары, то его на время запускали в общую ограду с остальным домашним скотом. Перед обрядом жертвенное животное окуривали дымом можжевельника, тем самым совершалось его сакральное очищение. Обязательным условием было использование лопаточной кости исключительно взрослых (от двух и старше лет) животных. Отсюда, вероятно, произошло название самого гадания: дала тулгэлхэ («тулгэлхэ» – «предугадывать, предсказывать, ворожить» [Бурятско-русский словарь, 1973. С. 443]). Судя по всему, слово *тулгэлхэ* является производным от *тулгэ* «гадание», которое имеет и другое значение «овца по второму году» (соответствующие гендерные термины: *эрэ тулгэ* «баран-двухлеток», *эхэ тулгэ* «овца-двухлеток (ягнившаяся)» [Там же]).

Считали, что ответы можно получить благодаря бараньей лопатке, которую держал в руках человек, чью судьбу пытались прояснить. Здесь напрашивается параллель с описанным выше гаданием Мункэ-хана, который, прежде чем обжечь лопаточную кость, держит ее, как бы проецируя на нее свои мысли. Некоторое исключение представлял обряд укладывания ребенка в колыбель, когда мясную лопатку не давали мла-

¹ РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 70. Л. 3.

денцу, а помещали вместо него в колыбель. В дальнейшем полагалось, прожарив лопаточное мясо, угостить им присутствующих. Кульминацией обряда было гадание по лопатке: приглашенный прорицатель обжигал голую кость и предсказывал будущее ребенка [Дуброва, 1884. С. 8].

При возникновении сложных жизненных обстоятельств, когда требовалось определить причины болезни (духа-хозяина, насланного ее на человека), выяснить исход того или иного дела, обнаружить вора и т. д., прибегали к мантике шамана или ламы. По Ц. Ж. Жамцарано, такой прорицатель сначала обращался за поддержкой к мифическим небожителям: «...при гадании на лопатке призываются, как и перед каждым обрядом, все тэнгэри или хаты (цари), потом 77 далашинов и 99 ерошинов» [2001. С. 101]. То, что гадание предвлялось магическими действиями и словами, удостоверяет в его назначении как форме мистического контакта с высшими силами. Кость обжигали над открытым огнем очага, пока она не расстрескается. Затем наступало время предсказаний. Рассмотрев поверхность обожженной лопатки, обращали внимание на имеющийся выступ (по нему узнавали о будущем росте или потерях в поголовье домашнего стада) и образовавшиеся трещины. По Г. Н. Потанину, буряты делили поверхность лопатки на: сторону, называемую *халуун* «горячая» (т. е. связанную с родственниками), и обратную – *хуйтэн* «холодная» (связанную с чужеродцами). Исходя из этого они объясняли знаки, проявившиеся на кости: «Ответы, даваемые лопаткой, вроде следующих: кражу совершил халун хун, теплый человек, то есть однородец, или хара-хун, черный человек, то есть чужеродец. Рубец на лопатке – баранья дорога» [Потанин, 1883. С. 135]. Считалось благоприятным появление продольной трещины, расположенной вдоль выступа, а опасным – возникновение поперечных трещин на лопатке и отпадение от нее фрагментов кости.

Обратимся вновь к описанию гадания, производившегося Мункэ-ханом, и сравним его с тем, что говорилось выше относительно бурятской традиции, и с древнемонгольской практикой долуну чуга, трактат по которой был переведен Галсаном Гомбоевым [1864]. Трактат детально прописывает механизм гадания и трактовку увиденного, он отражает тибето-буддийскую традицию га-

дания по бараньей лопатке, которая получила распространение у восточных монголов только с их переходом в буддизм, и «древнемонгольским» (по Г. Гомбоеву) он, конечно, никак не может считаться. Сопоставление трех упомянутых выше традиций скапулимантии (средневеково-монгольской, бурятской и тибето-буддийской) показывает, что в них есть как общая основа, так и отличительные особенности. Тот факт, что схожие черты обнаруживаются в гадании буддийских монахов и монголов XIII в., объясним существованием архаичной центрально-азиатской традиции, унаследованной ими. В названном трактате содержится указание на истоки долуну чуга, помимо ожидаемого упоминания тибетских и тангутских книг, его автор неожиданно относит к первоисточникам некие сочинения предков бурят по мантике: «Произвожу гадание по книгам, принадлежащим Баргу-Бурятам, пришедшим из северного царства Хонхора, имеющим подушку из собольей и постель из беличьей шкуры» [Гомбоев, 1864. С. 27]. Удивительно, что в нем излагаются сразу две мифические версии того, почему баранья лопатка стала инструментом гадания для людей: согласно первой версии, царь Лусов (морских драконов), сжалившись над людьми, наделил барана с шерстью «белее белого» магическими знаками на лопатках; по другой, написанное Буддой Манджушри письмо (книга судеб) было съедено белым бараном с черной головой, и у того на лопатках проявились волшебные знаки [Там же. С. 28–29]. Несомненно, что в преамбуле трактата «Долуну чуга» в общих чертах повторяются известные у бурят XVIII–XIX вв. рассказы о происхождении гадания по бараньей лопатке, а это подтверждает гипотетическое предположение о существовании первоосновы скапулимантии у народов Центральной Азии.

Бурятский способ ворожбы на бараньей лопатке наследовал традицию средневековых монголов, но буряты внесли свои нюансы в интерпретацию предсказаний. С принятием частью бурят буддизма, помимо бытовавшей народной традиции гадания, в XIX в. у них становится популярным и тибето-буддийский способ мантики.

Итак, можно утверждать, что баранья лопатка занимала в обрядовой практике бурят XVIII – начала XX в. исключительно важное место.

Список литературы

Бадмаев А. А. Ритуальная пища бурят // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 3. С. 70–74.

Бурятско-русский словарь / Сост. К. М. Черемисов. М.: Сов. энциклопедия, 1973. 804 с.

Бутанаев В. Я. Традиционная пища хакасов // Из истории хозяйства и материальной культуры тюрко-монгольских народов. Новосибирск: Наука, 1993. С. 150–170.

Вениамин. Забайкальская духовная миссия // Иркутские епархиальные ведомости. 1865. № 15. С. 93–106; № 17. С. 110–119.

Викторова Л. Л. Монголы: происхождение народа и истоки культуры. М.: Наука, 1980. 224 с.

Галданова Г. Р. Ритуальная пища монгольских народов // Из истории хозяйства и материальной культуры тюрко-монгольских народов. Новосибирск: Наука, 1993. С. 141–150.

Гомбоев Г. О древних монгольских обычаях и суевериях, описанных у Плано Карпини // Труды Восточного отделения Императорского русского археологического общества. 1859. Ч. 4, вып. 1. С. 236–256.

Гомбоев Г. О древнемонгольском гадании по кости «Долуну Чуга» // Труды Восточного отделения Императорского русского археологического общества. 1864. Ч. 8. С. 1–61.

Дуброва Я. П. Женщины у монголо-бурят // Сибирь. 1884. № 35–39. 107 с.

Жамцарано Ц. Ж. Путевые дневники 1903–1907 гг. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. 382 с.

Львова Э. Л., Октябрьская И. В., Сагалаяев А. М., Усманова М. С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Чело-

вик и общество. Новосибирск: Наука, 1989. 243 с.

Манжигеев И. А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. М.: Наука, 1978. 128 с.

Мелетий. Из записок забайкальского миссионера иеромонаха Мелетия за 1864 г. // Труды Православных Миссий Иркутской епархии. Иркутск, 1883. Т. 1. С. 135–160.

Нацов Г. Д. Материалы по истории и культуре бурят / Введ., пер. и примеч. Г. Р. Галдановой. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. Ч. 1. 156 с.

О баргузинских подгорных братских // Новые ежемесячные сочинения. 1787. Ч. 12, июнь. С. 70–81; Ч. 13, июль. С. 16–30.

Плано Карпини Д. История монголов. М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1957. 270 с.

Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии: Результаты путешествия, исполненного в 1867–1877 гг. по поручению Имп. Рус. Геогр. о-ва. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1883. Вып. 4. 1029 с.

Пэн Да, Сюй Тин. Краткие сведения о черных татарах / Пер. Линь Кюн-и, Н. Ц. Мункуева, введ. и коммент. Н. Ц. Мункуева // Проблемы востоковедения. 1960. № 5. С. 134–145.

Рубрук Г. Путешествие в восточные страны. М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1957. 270 с.

Сокровенное сказание монголов / Пер. Ч.-Р. Намжилова, С. Козина. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1990. 318 с.

Список источников

РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 70. Л. 3.

Материал поступил в редколлегию 22.02.2015

A. A. Badmaev

*Novosibirsk State University
2 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

badmaevaa@ngs.ru

LAMB SHOULDER IN THE RITUAL PRACTICE OF THE BURYATS

Purpose. The article deals with identifying the role of the lamb shoulder «honinoy dala» in traditional Buryat traditions. Our objectives included defining the semiotic status of the lamb shoulder in the culture of the Buryats, reconstructing the traditional Buryat divination on the shoulder bone of a sheep, analyzing the genetic origin of the Buryat traditional divination using a lamb shoulder blade.

Results. Based on the analysis of the literary and archival sources of the XVIII – beginning of the XX century and the field data collected, the author proves that a lamb shoulder was valued as an

item with a high semiotic status in the culture of the Buryats. According to the traditional guest etiquette, it was among honorary dishes, and its use was strictly regulated as it could be served only by men, on the territory of Buryats South Western Transbaikalia by shamans or buddhist priests. A lamb shoulder was included into the ritual food used during various collective sacrifices and was supposed to attract mythical deities and spirits. It was also used in some rituals during the human life cycle (birth, marriage and death ceremonies). In addition, a blade acted as a symbolic expression of the mother's family line. One of the functional aspects of using a lamb shoulder was conducting scapulimantia. Presumably, in the hunting environment of the Mongolian peoples, there was an alternative soulmani tradition of divination which may be rooted to taiga-hunting and was practiced at least until the XIX century. The Buryat folklore recorded different options of using lamb shoulder blades for predictions. Such diversity was caused by historical facts, such as the need to explain the Buryat branch of the Mongol world and the absence of a written tradition and to strengthen the position of Buryat shamanism. Scapulimantia was practiced widely by shamans, lamas and ordinary people. When choosing scapula bones for divination, they took into account the gender approach. The Buryats are strictly adhered to these and other rules for divination, in particular, to the choice of an animal and the process of conducting the ceremony. We compared the Buryat method of divination using a lamb shoulder blade and the information on similar rituals practiced by the medieval Mongol and Tibetan-Mongolian lamas, which showed both common and distinctive features. The similarities in divination practiced by buddhist monks and the Mongols of the thirteenth century is explained by their common archaic Central Asian traditions. The Buryats inherited the traditions known in medieval Mongolia but included their own features into the interpretation of predictions. In the XIX century, with part of the Buryats adopting Buddhism, the Tibeto-Buddhist way of scapulimantia spread.

Conclusion. According to our analysis, a lamb shoulder took a very important place in the ritual practices of the Buryats of the XVIII – beginning of the XX century.

Keywords: Buryats, traditional culture, ritual food, scapulimantia, Buddhism.

References

- Badmaev A. A. Ritual'naya pishcha buryat [Ritual food Buryats]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri [Humanities in Siberia]*, 2007, no. 3, P. 70–74. (in Russ.)
- Buryatsko-russkii slovar'. Sostavitel' K. M. Cheremisov [Buryat-Russian dictionary. Compiler K. M. Cheremisov]*. Moscow, Sov. entsiklopediya Publ., 1973, 804 p. (in Buryat., Russ.)
- Butanaev V. Ya. Traditsionnaya pishcha khakasov [Traditional food Khakasians], *Iz istorii khozyaistva i material'noi kul'tury tyurko-mongol'skikh narodov [From the history of the economy and material culture of the Turkic-Mongolian peoples]*, Novosibirsk, Nauka, 1993, p. 150–170. (in Russ.)
- Veniamin. Zabaikal'skaya dukhovnaya missiya [Zabaikalsky spiritual mission]. *Irkutskie eparkhial'nye vedomosti [Irkutsk eparchy news]*, 1865, no. 15, p. 93–106; no. 17, p. 110–119. (in Russ.)
- Viktorova L. L. *Mongoly: proiskhozhdenie naroda i istoki kul'tury [Mongols: the Origin of the people and the origins of culture]*. Moscow, Nauka, 1980, 224 p. (in Russ.)
- Galdanova G. R. Ritual'naya pishcha mongol'skikh narodov [Ritual food of Mongolian peoples]. *Iz istorii khozyaistva i material'noi kul'tury tyurko-mongol'skikh narodov [From the history of the economy and material culture of the Turkic-Mongolian peoples]*. Novosibirsk, Nauka, 1993, p. 141–150. (in Russ.)
- Gomboev G. O drevnikh mongol'skikh obychayakh i sueveriyakh, opisannykh Plano Karpini [About ancient Mongolian customs and superstitions, described in Plano Carpini]. *Trudy Vostochnogo otdeleniya Imperatorskogo russkogo arkheologicheskogo obshchestva [Proceedings of the Eastern branch of the Imperial Russian archaeological society]*, 1859, part 4, iss. 1, p. 236–256. (in Russ.)
- Gomboev G. O drevnemongol'skom gadanii «Dolunu Chuga» [About ancient Mongolian divination bone «Dolono Chugai»]. *Trudy Vostochnogo otdeleniya Imperatorskogo russkogo arkheologicheskogo obshchestva [Proceedings of the Eastern branch of the Imperial Russian archaeological society]*, 1864, part 8, p. 1–61. (in Russ.)

Dubrova Ya. P. Zhenshchiny u mongolo-buryat [Women in the Mongol-Buryat]. *Sibir'* [Siberia], 1884, no. 35–39, 107 p. (in Russ.)

Zhamtsarano Ts. Zh. *Putevye dnevniki 1903–1907 gg.* [Travel diaries, 1903–1907]. Ulan-Ude, BSC SB RAS Publ., 2001, 382 p. (in Russ.)

L'vova E. L., Oktyabr'skaya I. V., Sagalaev A. M., Usmanova M. S. *Traditsionnoe mirovozzrenie tyurkov Yuzhnoi Sibiri. Chelovek i obshchestvo* [Traditional worldview of the Turks of Southern Siberia. Man and society]. Novosibirsk, Nauka, 1989, 243 p. (in Russ.)

Manzhigeev I. A. *Buryatskie shamanisticheskie i doshamanisticheskie terminy* [Buryat shamanist and disamenities terms]. Moscow, Nauka, 1978, 128 p. (in Russ.)

Meletii. Iz zapisok zabaikal'skogo missionera ieromonakha Meletiya za 1864 g. [From the notes of Transbaikalian missionary monk Meletiya for 1864]. *Trudy Pravoslavnykh Missii Irkutskoi eparkhii* [Proceedings of Orthodox Missions of the Irkutsk eparchy]. Irkutsk, 1883, vol. 1, p. 135–160. (in Russ.)

Natsov G. D. *Materialy po istorii i kul'ture buryat Vvedenie, perevod i primechaniya G. R. Galdanovoi* [Materials on the history and culture of the Buryats. Introduction, translation and notes made by G. R. Galdanova]. Ulan-Ude, BSC SB RAS Publ., 1995, part 1, 156 p. (in Russ.)

O barguzinskikh podgornykh bratskikh [About the Barguzin foothill fraternal]. *Novye ezhe mesyachnye sochineniya* [New monthly essays], 1787, part 12, june, p. 70–81; part 13, July, p. 16–30. (in Russ.)

Plano Carpini D. *Istoriya mongolov* [History of the Mongols]. Moscow, State publ. house of geograph. literature, 1957, 270 p. (in Russ.)

Potanin G. N. *Ocherki Severo-Zapadnoi Mongolii. Rezul'taty puteshestviya, ispolnennogo v 1867–1877 gg. po porucheniyu Imperat. Rus. Geogr. obshchestva* [Sketches of North-Western Mongolia: Results of a journey performed in 1867–1877, on behalf of Imperat. Rus. Geogr. Society]. St.-Petersburg, Tip. V. Kirshbauma Publ., 1883, iss. 4, 1029 p. (in Russ.)

Pen Da, Syui Tin. *Kratkie svedeniya o chernykh tatarakh. Perevod Lin' Kyuni i N. Ts. Munkueva, vvedenie i kommentarii N. Ts. Munkueva* [Brief information about black Tatars. Trans. Lin' Kyun-i and N. Ts. Munkuev, with an introd. and the comment. N. Ts. Munkuev]. *Problemy vostokovedeniya* [Problems of Oriental studies], 1960, no. 5, p. 134–145. (in Russ.)

Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov [Russian State Archive of Ancient Acts]. F. 24, inv. list 1, file 70, sh. 3. (in Russ.)

Rubruck. *Puteshestvie v vostochnye strany* [The journey to the East]. Moscow, State publish. house of geograph. literature Publ., 1957, 270 p. (in Russ.)

Sokrovennoe skazanie mongolov [The secret history of the Mongols]. Trans. Ch.-R. Namzhilov. Trans. S. Kozin. Ulan-Ude, Buryat publish. house Publ., 1990, 318 p. (in Russ.)